

ESCHATOLOGY AS A RELIGIOUS-MYTHOLOGICAL PHENOMENON IN PHILOSOPHY AND LITERATURE

Tatyana Djalalitinovna Polatova

Lecturer at the Department of Russian Literature and Teaching Methods

Chirchik State Pedagogical University

ABSTRACT

The article deals with eschatology as a religious and mythological phenomenon in philosophy and literature.

Keywords: eschatology, philosophy, literature, being, death, man, life.

ЭСХАТОЛОГИЯ КАК РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН В ФИЛОСОФИИ И ЛИТЕРАТУРЕ

Полатова Татьяна Джалалитдиновна

Преподаватель кафедры русской литературы и методики обучения

Чирчикский государственный педагогический университет

АННОТАЦИЯ

в статье рассматривается эсхатология как религиозно-мифологический феномен в философии и литературе.

Ключевые слова: эсхатология, философия, литература, бытие, смерть, человек, жизнь.

Возникновение эсхатологических представлений

Представления об итоговых судьбах мира и людей были предметом теоретической рефлексии со времен появления первых религиозно-философских доктрин. Интерес к эсхатологической теме в разнообразных религиях, культурах, философских направлениях и идеологиях не пропадал во все эпохи, оставаясь вечной философской темой, которая актуальна и по сей день.

Эсхатологическая концепция о конечности физического мира, размышления о её смысле и физической смерти, а также о последующем духовном существовании находили своё отражение в таких литературных памятниках, как «Египетская книга мёртвых», «Эпос о Гильгамеше», «Тибетская книга мёртвых», «Индусская книга мёртвых», византийско-русские апокрифы (сказания о мытарствах), в метафизических построениях философов разных стран и народов, в книгах Ветхого и Нового завета, а также практически во всех литературных памятниках, связанных с основными мировыми религиями. В художественной литературе эсхатологические мотивы звучали со времен ее зарождения как таковой.

Основа концепции эсхатологии (в мировом понимании) была построена на фундаменте онтологии - космогонических представлениях о бытии и историософской концепции. Фундаментом «индивидуальной» эсхатологии стала экзистенциально-антропологическая рефлексия о конечности существования рода человеческого. Философское осмысления бытия невозможно без понятия о смерти, оно всегда было ключевым значением в данном

аспекте размышлений. Как высказывался Сократ: «Те, кто подлинно предан философии, заняты, по сути вещей, только одним – умиранием и смертью» [5, 21]. Для человека смерть является конститутивным моментом мировоззрения и жизни в целом. А развитие любого типа эсхатологии определялось именно человеческим мировоззрением; детерминировались построение онтологии человеческого бытия и «объективного» бытия, менялся взгляд на сущность времени и природу вечности.

В теоретико-философской артикуляции эсхатология представлена гносеологическим, онтологическим и антропологическим сторонами. В аспекте онтологии и гносеологии она предстает образом предельного разрешения гносеологических антиномий и онтологических дихотомий («множественного – единого», «относительного – абсолютного», «ноуменального – феноменального», «вечности – времени» и т.п.). Таким образом «мировая» эсхатология является символом конца объективного бытия, которое означает переход мира из состояния пространственно-временного и разрозненно-феноменального к состоянию абсолютному, целостному.

Индивидуальная эсхатология

«Индивидуальная» эсхатология зародилась на фундаменте предположения о том, что природа человека несовершенна, а идеальная природная сущность людей отчуждается в трансцендентное. Неполнота бытия человека, в большинстве религиозно-философских учениях, символизируется инициацией, таким образом смерть становится символической для нового возрождения. Инициация и эсхатология в данном контексте становятся единой парадигмой, которая показывает личностную трансформацию в онтологически идеальное состояние.

Новый виток осмысления индивидуальной эсхатологии, то есть смертности человека, произошёл в начале XX века благодаря философской антропологии и учениях экзистенциализма. М. Хайдеггер высказал мнение, что смерть представляет собой экзистенциальный феномен, и сама жизнь человека, как конечного существа, есть «собственное бытие к смерти», «бытие-к-концу» [8, 260].

В мировой литературе и философии существуют разные трактовки проблемы конечности существования, проблемы бытия и ничто. Например, Сартра, Хайдеггер, Камю трактовали эту проблему атеистически, а Марсель, Ясперс, Бердяев прибегали к христианской эсхатологии. Н.А. Бердяев пришел к своему взгляду и экзистенциально-метафизическому пониманию эсхатологических учений. Его «эсхатологическая метафизика» имеет онтологический и гносеологический генезис [1, 381]. Эсхатология Бердяева стала методом осмысления границ человеческой экзистенции через призму философии. В таком же смысле, но в историческом аспекте, рассматривал эсхатологию и Д.С. Мережковский: «... эсхатология, возведённая в ранг метода религиозно-исторического познания, вводит всемирную историю в сферу вечности, а не времени, что позволяет выявить границы её существования» [9, 402].

Историческая проблема эсхатологии всегда занимала в философских трудах центральное место. Согласно философии всеединства и софиологии В.С. Соловьева эсхатологические мотивы, которые имеют отношение к мировой, общей истории, взаимосвязаны как с бытием всего людского рода, так и с судьбами отдельно взятых людей. Философ высказывал мысль, так как цель человеческой жизни «неразрывно связана с жизненной целью всех остальных,

то личный вопрос необходимо превращается в вопрос общий: спрашивается – какой смысл и конечная цель человеческого существования вообще, для чего, на какой конец существует человечество?» [7, 140].

Эсхатология в аспекте русской философской мысли и литературы

Стоит отметить, что в историю русской литературы тема эсхатологии пришла в том числе и благодаря трудам философа, социолога и представителя русского экзистенциализма и персонализма Н.А. Бердяева. Он назвал эсхатологию и тему о богочеловечестве одной из специфически русских тем. Про себя философ говорил, что его всегда особенно интересовала проблема философии истории, из-за чего Бердяева часто называли историософом, и тем самым он вполне отвечает традиции русской мысли, которая, по его мнению, всегда была историософической [2, 305]. Взаимосвязь эсхатологии с историософией Н.А. Бердяев обосновывал тем, что в истории все не удается и вместе с тем история имеет смысл. Смысл же этот лежит за ее пределами, что предполагает её конец. Поэтому настоящая философия истории должна быть философией истории эсхатологической. Религиозно преломленная, историософия трансформируется в историодицею – оправдание истории в ожидании последних времен человеческой или земной истории, освященных вмешательством высших сил, иначе говоря, в перспективе апокалиптики. По мнению С.Н. Булгакова, если рассматривать проблему эсхатологии в этом аспекте, вся человеческая история предстает апокалиптической [2, 202].

Проблема эсхатологии в русской философии и литературе – это сочетание антропологии, христианской эсхатологии, метафизики, экзистенциализма, философии истории и культуры [4, 150]. Многие русские писатели и философы склонялись к мысли, что русский дух склонен к утопизму, мессианству, апокалиптике. Среди них были С.Н. Булгаков, В.В. Зеньковский, Н.А. Бердяев, Г.В. Флоровский. Последний видел в этом предпосылки метафизики. По мнению Флоровского, подобное самосознание является не историческим, так как нет в нем опоры на исторический опыт, а отвлеченным, так как оперирует это сознание логическими заключениями. Как пример, можно рассмотреть утопизм, в котором основное оценочное мерило – хронология. Иначе говоря, лучше то, что впереди. Хронологическая последовательность тождественна иерархии оценок. Будущее – идеал. Ценность и факт приравниваются, а история переходит в разряд телеологии, приобретая имманентную ей цель. Но, как утверждал философ, в истории имманентных целей не бывает, так как они всегда трансцендентны, следовательно, любая историческая телеология является ложной, даже она представляет собой утопизм, мессианизм, эволюционизм или прогрессизм. Иначе, пребывая в мечтах о «мессианском пире», в стороне остаются чужие и личные страдания. Мир же превращается в органическое целое, причем безличное, а индивиды в нем служат «прогрессу кораллового рифа». Поэтому утопия всегда оставляет за собой понятие толерантности. Бердяев отмечал, что тоталитаризм всегда утопичен, и особенно привлекателен в условиях современного мира, так как отвечает тенденции отказа от личного (страдания, смерти, боли) в пользу безличного, или, иначе говоря, в пользу органического бессмертия.

Общая эсхатология представлена в трудах С.Н. Булгакова, Н. Ф. Федорова, П.А. Флоренского, В.С. Соловьева. Соловьев разграничил её на два направления: утопическое и метафизическое (онтогносеологическое). Его эсхатология строится на метафизике

всеединства. Можно отметить, что эсхатология Соловьева не представляет собой ни индивидуальную, ни всемирно-историческую, а является своеобразным синтезом их двух. В корне его учения – идея всечеловечества, всеединства, богочеловечества и софиологии. Из соловьевской парадигмы эсхатологической философии вытекает эсхатология Н.Ф. Фёдорова. Он выдвигал учение об обращении причинности: вместо рождения – воскрешение предков или поворот времени вспять. Остановкой мировой истории он представлял прекращение деторождения, воскрешение же – процесс, заменяющий деторождение, возврат мировой истории вспять в «золотой век». Таким образом реактуализация истории ведет к идеалу всеединства. С.Н. Булгаков утверждает в апокалиптике буквальность пророчества о тысячелетнем царстве. В его трудах развито учение об апокатастасисе, спасении всех тварей, уничтожение или изживание самим сатаной сатанизма. Также Булгаков развивал софиологию смерти. Она у него строится на основе древнего гностического учения о Софии – «четвертой ипостаси» и «Вечной Женственности». Смерть, согласно учению Булгакова, будет софийной, если он созрел в физической жизни до неё, иначе она становится натуральной, то есть животной. Эсхатология П.А. Флоренского построена на естественнонаучных представлениях. Причем философ не использует конкретного термина «эсхатология». Но его метафизика имплицитно содержит в своей структуре эсхатологическую проблематику. Это прослеживается по ее корневым категориям: теория мнимости пространства-времени сновидения, аритмологическая концепция прерывности мира или «трещины» бытия, теория геометрической замкнутости физического пространства-времени. Стоит отметить, что эсхатология Флоренского является своеобразной теорией антиномичности истины.

Список использованной литературы:

1. Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики: Творчество и объективация // Дух и реальность. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2006. С. 381.
2. Бердяев Н.А. Самопознание: Опыт философской автобиографии. М.: Книга, 1991. С. 305.
3. Гранин Р.С. К вопросу о происхождении термина «эсхатология» и его интерпретации в концепциях библейской герменевтики XX столетия // Вестник Московского университета. Серия 7: философия, 2013. № 2. С. 83-91 (0,7 п.л.);
4. Зеньковский В.В. История русской философии. 2 тт. в 4-х книгах. Том II, часть 1. Л., 1991. С. 150.
5. Платон. Федон. Соч. в 3 тт. (4-х частях). Том 2. М.: Мысль, 1970. С. 21.
6. Пивоваров Д.В. Эсхатология // Современный философский словарь / Под общей ред. В.Е. Кемерова. – 2-е изд., испр. и доп. Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск: Панпринт, 1998. С. 1035.
7. Умарова, Р. В., Фаткуллаева, В. С. (2021). Использование педагогических технологий на уроках литературы как условие обеспечения современного качества образования. Экономика и социум, 11(90), 1069-1075.
8. Фаткуллаева, В. С. (2021). Вопросы общественной жизни в творчестве в. шукшина и бунина: эффект и изображение, проблема русского национального характера. Academic research in educational sciences, 2(8), 471-479.

9. Фаткуллаева, В. С. (2020). Вопросы исследования сравнительного и сопоставительного изучения художественной литературы. ВЕСТНИК Каракалпакского государственного университета, 1(1), 127-130.
10. Эргашев, А. (2021). Сопоставительный анализ клишированных единиц с наименованиями домашних птиц в русском и узбекском языках. Academic research in educational sciences, 2(8), 562-568.
11. Эргашев, А. Х. (2021). Коннотации вокруг тематического поля домашние птицы в русском узбекском и английском языках. Молодая Филология, 1(1), 155-159.
12. Эргашев, А. Х. (2021). О словах зоонимах в русском и английском языках. Русский язык и литература в узбекистане, 1(1), 66-68.
13. Полатова, Т. Д. (2021). ИЗУЧЕНИЕ ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА. Academic research in educational sciences, 2(5), 1376-1381.
14. Полатова, Т. Д. (2021). УЧЕБНИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ УРОКОВ ОБУЧЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКЕ. Academic research in educational sciences, 2(8), 411-418.
15. Файзуллаев, Д. С., & Назарова, Д. М. (2022). Личностно-ориентированный подход как стратегия современного образовательного процесса. In International journal of conference series on education and social sciences (Online) (Vol. 2, No. 4).
16. Назарова, Д. М. (2021). Образ маленького человека в произведениях Чехова и Достоевского. Вестник Каракалпакского государственного университета, 1(1), 49-52.
17. Калдыбаева, Д. О., & Саяпина, А. И. (2022). Фольклорная традиция в поэзии С. Есенина. Advancing in research, practice and education, 9, 138.
18. Каландарова, А. В., Калдыбаева, Д. О. (2022). Массовая литература как коммерческое искусство. Advancing in research, practice and education, 9, 142.
19. Каландарова, А. В., Калдыбаева, Д. О. (2022). Развитие и жанровое разнообразие массовой литературы XX-XXI века. Advancing in research, practice and education, 9, 145.
20. Калдыбаева, Д. О. (2022). Анализ использования эстетических возможностей прилагательных (эпитетов) на примере стихотворения ФИ Тютчева. Экономика и социум, (4-3 (95)), 852-855.
21. Калдыбаева, Д. О. (2022). Постмодернист или неореалист, о творчестве А. Слаповского. Academic research in educational sciences, 3(3), 926-932.
22. Калдыбаева, Д. О., & Каландарова, А. В. (2021). Тестирование как инновационный метод преподавания русского языка как иностранного. Academic research in educational sciences, 2(12), 929-935.
23. Калдыбаева, Д. О. (2021). Реализм в современной русской литературе. Academic research in educational sciences, 2(12), 942-945.
24. Калдыбаева, Д. О., & Каландарова, А. (2021). Преподавание и оценка новаторства. Academic research in educational sciences, 2(CSPI conference 2), 491-495.
25. Калдыбаева, Д. О. (2021). Методы и технологии обучения. Academic research in educational sciences, 2(4), 1379-1385.
26. Калдыбаева, Д. (2021). Постмодернизм как теоретико-литературная проблема. феномен творчества в. пелевина. Academic research in educational sciences, 2(8), 378-385.
27. Kaldibayeva, D. O. (2020). Talabalarning mantiqiy tafakkurini shakllantirishning pedagogik omillari. Science and Education, 1. Special, (3), 119.